

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**Полное собрание сочинений Н.
Мамин-Сибиряк**

Том 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Полное собрание сочинений Н. Мамин-Сибиряк: Том 12 / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 556 с.

ISBN 978-5-519-95242-2

ISBN 978-5-519-95242-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

устроена приемная Елены Михайловны, прервали течение докторских мыслей и заставили его выглянуть из-за перегородки, скрывавшей дверь. Его глазам представилась совершенно неожиданная живая картина: около дивана боролись две фигуры—старый артист Булатовъ, отец Елены Михайловны, имѣвшій обыкновеніе каждый день приходить въ померъ дочери (подъ предлогомъ навѣщенія больной онъ выпивалъ цѣлую бутылку водки, а потомъ засыпалъ мертвымъ сномъ тутъ же на трактирномъ диванчикѣ),—этотъ артистъ сейчасъ крѣпко держалъ своими длинными руками талію горничной Паша и старался поймать ея притавшееся лицо своимъ колючимъ, небритымъ подбородкомъ.

— Булатовъ, постыдитесь!...—заговорилъ докторъ, стараясь сдержать порывъ негодованія.

— Ахъ, виновать... Кто бы могъ подумать, докторъ, что вы здѣсь!...—довольно развязно оправдывался г. Булатовъ, выпуская горничную.

Слезившіеся, послаленные отъ пьянства глаза старика смотрѣли съ такимъ нахальствомъ, что доктору страшно захотѣлось выпроводить артиста сейчасъ же въ шею, но онъ опять удержался изъ страха разбудить дремавшую больную.

— Господинъ Булатовъ, такъ ведутъ себя только... только...—повторялъ докторъ, подбирая другое слово, которымъ можно было бы замѣнить „отъявленнаго негодая“.

— Господинъ докторъ, прошу не забываться!...—отвѣчалъ старый артистъ, выпрямляясь во весь ростъ. Онъ былъ гораздо выше доктора и славился, какъ отчаянный бунтъ и трактирный герой.

— Хорошо, мы съ вами поговоримъ послѣ!...—спохватился докторъ, замѣтивъ, что они не одни, а въ дверяхъ растерянно стоитъ горничная Паша, съ своимъ полуоткрытымъ ртомъ и выбившимися завитками короткихъ русыхъ волосъ.—Паша, вамъ здѣсь нечего дѣлать... уходите.

— Миѣ, докторъ, чужно!...—бормотала Паша, машинально поправляя сбившійся на груди передникъ.—Я къ барынѣ!... а баринъ добрые-съ!... они только любятъ пошутить!...

— Васъ объ этомъ нѣкто не спрашиваетъ!... Можете уходить!...—рѣзко оборвалъ докторъ.

Паша сдѣлала шагъ къ двери и нерѣшительно остановилась. Это была такая цвѣтущая и необыкновенно свѣжая дѣвушка. Раньше докторъ не обращалъ на нее вниманія, а теперь ему бросились въ глаза и неестественно полный бюстъ Паша и какое-то особенно мягкое выраженіе ея лица съ свѣтлыми, глупыми глазами. Нѣмая ссора была прервана Булатовымъ, который подошелъ къ Пашѣ, взялъ ее своей костлявой рукой за круглый затылокъ и довольно грубо вытолкнулъ въ двери номера.

— Убирайся!...—ворчалъ онъ, осторожно притворяя дверь.—Не мѣшай порядочнымъ людямъ серьезный разговоръ имѣть!... Господинъ докторъ, я къ нашимъ услугамъ.

Докторъ смѣрилъ артиста съ ногъ до головы, презрительно пожалъ плечами и скрылся за драпировкой. Булатовъ нѣсколько времени стоялъ посреди комнаты, поправляя свой точно вылизанный по бортамъ сюртукъ, беззвучно шевелилъ губами и кончилъ тѣмъ, что презрительно махнулъ рукой.

— Да, я старъ, но это-то меня и тянетъ къ цвѣтущей молодости!...—бормоталъ онъ, укладываясь на диванъ.—Артисты всегда будутъ цѣнителями красоты!... а я уважаю полненькихъ!...

Черезъ полчаса Булатовъ уже храпѣлъ, свѣсивъ свои длинные ноги въ дыривыхъ сапогахъ на коверъ. Грязная и смятая сорочка точно врѣзалась ему въ красную шею, ротъ былъ открытъ, обнажая гнилые желтые зубы; одна волосатая красная рука съ напружившимися жилами была закинута за голову, другая безсильно висѣла.

II.

Черезъ нѣсколько дней въ сосѣднемъ номерѣ „Калифорніи“ происходилъ консилиумъ. Собралось человѣкъ пять докторовъ, маленькихъ провинціальныхъ знаменитостей, очень шепетливыхъ, очень завистливыхъ и постоянно враждовавшихъ между собой. Впрочемъ, на консилиумахъ они держали себя, какъ и слѣдуетъ людямъ науки—говорили сдержанно и съ достоинствомъ, у всѣхъ на лицахъ была написана ученая скука, о консультантахъ говорили не иначе, какъ: „нашъ ученый другъ высказалъ мнѣніе“, „мой многоуважаемый collega позволилъ себѣ заявить“, „беру на себя смѣлость указать на то-то“ и т. д. Двое величественно зѣвали, двое курили папирсы, а розово-сѣденькій, свѣжій, какъ яблоко, старичокъ, съ бѣлорусской фамиліей Шучка, ораторствовалъ:

— Наслѣдственность, господа!.. Чтò дѣлать: наука здѣсь безсильна... Обыкновенный человѣкъ вынесетъ все это шути, а здѣсь предъ нами результатъ пяти поколѣній великихъ артистовъ: у Елены Михайловны отецъ—актеръ, дѣдъ—актеръ, прадѣдъ—актеръ... Это значитъ, что пять поколѣній вели собачью жизнь, и вотъ вамъ плоды вырожденія; наша пациентка—это клубокъ больныхъ нервовъ. Лучшее лѣкарство для такихъ субъектовъ—смерть.

Этотъ смертный приговоръ былъ подтвержденъ молчаливымъ согласіемъ всѣхъ консультантовъ, и розово-сѣденькій докторъ даже улыбнулся, довольный такимъ исключительнымъ случаемъ въ своей практикѣ. Но у Елены Михайловны есть отецъ,—необходимо предупредить старика.

— Ничего не имѣте, господа?—спрашивалъ неугомонный докторъ.

— Да къ чему это — не все ли равно?...—возражалъ докторъ Куваевъ, присутствовавшій здѣсь.—Умереть, тогда всѣ узнаютъ...

— Нѣтъ, это нашъ долгъ, уважаемый collega, печальный долгъ, но долгъ прежде всего.

Черезъ нѣсколько минутъ въ номеръ вошелъ г. Булатовъ. Лицо у него было только-что выбрито, и на немъ точно застыло торжественно-печальное выраженіе. Онъ поклонился съ заученнымъ достоинствомъ стараго артиста и выслушалъ сбивчивыя объясненія розово-сѣденькаго старичка, заложивъ руку за бортъ своего облизаннаго сюртука.

— Мы понимаемъ ваши родительскія чувства, господинъ Булатовъ...—бормоталъ докторъ, подыскивая слова.—Все это печально, но Елена Михайловна даже лучше умереть сейчасъ: для неѣ это единственный исходъ. Понимаете: наслѣдственность... цѣлый арсеналъ самыхъ сложныхъ болѣзней, противъ которыхъ наука безсильна. Ваша дочь—клубокъ больныхъ нервовъ, и можно только удивляться, какъ она дожила до своихъ двадцати пяти лѣтъ. Консилиумъ констатировалъ перемѣщеніе сердца въ связи съ рядомъ другихъ аномалій.

Старый актеръ приложилъ платокъ къ глазамъ, какъ это дѣлаютъ на сценѣ благородные отцы, и крѣпко пожалъ руку доктора. Куваевъ отошелъ къ окну, чтобы не видѣть этой комедіи, и сосредоточенно барабанилъ пальцами по окну.

— Успокойтесь, пожалуйста, господинъ Булатовъ...—бормоталъ розово-сѣденькій докторъ, испытывая непріятное и брезгливое чувство отъ пожатій

грязной и потной руки благородного отца.—Что дѣлать: рано или поздно—нашъ общій удѣлъ...

— Благодарю васъ, господа!..—хрипло заговорилъ великій артистъ, моргая сухими глазами.—Благодарю и за правду и за сочувствіе къ горю стараго артиста... Да, я отецъ, но искусство прежде всего требуетъ жертвъ. Артисты слишкомъ много живутъ одними нервами, а моя дочь...

Консультанты уже не слушали великаго артиста—раскланявшись съ нимъ издали, они кучкой выходили изъ номера, довольные исполненнымъ долгомъ. Розово-сѣднѣнкій старичокъ фамиллярно подталкивалъ доктора Куваева въ спину и на ходу бормоталъ:

— Это рѣдкій случай, молодой человѣкъ, именно перемѣщеніе сердца въ такой формѣ. Совѣтую вамъ обратить на него особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что вы, кажется, немного увлекались Еленой Михайловной. Не отпирайтесь, милый плутишка... Но какая философія: вчера разсвѣтъ и благоуханіе молодой жизни, а сегодня—смерть. Какъ это у Державина сказано: „Гдѣ стоишь яствъ стоишь, тамъ надгробные воютъ клики“... Однимъ словомъ, что-то въ этомъ родѣ... Кстати, отъ этого господина Булатова такъ и разить сивухой.

Куваевъ только сморщился и ничего не отвѣтилъ, — онъ не выносилъ болтуновъ. Проводивъ ученую коллегію, онъ отправился по коридору въ номеръ больной, но у самой двери его остановилъ г. Булатовъ, осторожно взявъ за локоть.

— Докторъ, говоря между нами, мнѣ до зарѣзу нужно сейчасъ нѣсколько крейцеровъ...—проговорилъ онъ со своей запойной хрипотой.

Докторъ сунулъ ему первую попавшуюся подъ руку бумажку и вошелъ въ номеръ. Но здѣсь онъ совсѣмъ былъ озадаченъ доносившимся изъ-за перегородки дѣтскимъ лепетомъ: „Мма-ма-ааа!..“. Ему отвѣчала чей-то задыхавшійся шопоть.

— Это еще что за комедія?—изумлялся докторъ и громко кашлянулъ, не рѣшаясь войти.

— Войдите...—отвѣтилъ тотъ же задыхавшійся шопоть.

Больная попрежнему лежала на кровати, а около нея подъ защитой нѣсколькихъ подушекъ возился полугодовой ребенокъ.

— Рекомендую... мой сынъ Малийка...—шопотомъ проговорила больная, и что-то въ родѣ улыбки искривило ея запекшіяся губы.

— А... гм...—проткнулъ докторъ Куваевъ и не зналъ, что ему дѣлать—именно здѣсь онъ никакъ не рассчитывалъ паткнуться на такую чувствительную сцену.

— Мм-ма-а!..—лепеталъ Малийка, взмахивал пухлыми ручонками; взглянувъ на доктора, онъ весело улыбнулся своимъ беззубымъ ртомъ.

— Это дидя...—подсказала ребенку Паша, какъ-то ислуганно взглянувъ на доктора.

Это была не горничная, а кормилица, догадался докторъ, и въ его головѣ пронеслась забытая сцена объятій великаго артиста. Вотъ отчего у этой Паши такое необыкновенно мягкое выраженіе лица, глупые глаза, какъ у всѣхъ кормилицъ, и такой полный бюстъ. Докторъ присѣлъ къ кровати и молчалъ самымъ глупымъ образомъ. Онъ шелъ сюда совсѣмъ не для этихъ телячьихъ нѣжностей, и притомъ онъ не подозрѣвалъ, что у Елены Михайловны есть грудной ребенокъ. До самой смерти нужно разыгрывать комедію. Всѣ эти мысли промелькнули въ докторской головѣ очень быстро, и онъ чувствовалъ на себѣ пытливый материнскій взглядъ.

— Ах, ты... звѣрушка!.. — проговорилъ онъ накопецъ, чтобы сказать что-нибудь, и даже помахалъ предъ улыбавшимся дѣтскимъ личикомъ своей черчаткой.

Больная тяжело вздохнула, закрыла округлившіеся большіе глаза и точно замерла. Докторъ наблюдалъ всякое движеніе и старался найти въ своей душѣ чувство сожалѣнія къ умирающей матери, но въ немъ не шевельнулось даже тѣни чего-нибудь похожего. Сказывался эгоизмъ слишкомъ здороваго молодого организма, а чужіи страданія вызывали скорѣе чувство безгласности, какъ всякое другое проявленіе слабости.

— Паша... — прошептала больная и указала глазами на ребенка, чтобы его упесли: инстинктомъ матери она поняла настроеніе доктора.

Паша сдѣлала сердитое лицо, торопливо и ловко подхватила своими голыми красными руками ребенка и унесла его. Доктору вдругъ сдѣлалось немного совѣстно, что онъ не приласкалъ крошку, — конечно, онъ не любилъ дѣтей, это живое, ревущее мясо, но что ему стоило хотя бы поцѣловать ребенка, чтобы доставить этимъ удовольствіе умирающей матери.

— Докторъ... мнѣ какъ будто сегодня лучше... — проговорила больная, съ трудомъ перекатывая свою голову на подушкѣ.

— Да?... Это, вѣроятно, начинается кризисъ... Кстати, я даже не подозревалъ, что у васъ есть ребенокъ, а это чрезвычайно важное обстоятельство... Въ каждой болѣзни самое серьезное поставить вѣрный діагнозъ.

— Консилиумъ былъ?... — спросила больная.

— Да...

— Напрасныя хлопоты... Вы такъ добры, докторъ. Но вѣдь я... хорошо знаю и безъ консилиума, что скоро умру... Да, я не сказала вамъ про ребенка... Къ чему?... Не все ли равно... Актриса принадлежитъ прежде всего публикѣ, а публика ревнива... Потомъ, какое кому дѣло до нашей личной жизни?... Не сердитесь на меня, докторъ... у меня есть къ вамъ просьба...

— У меня тоже: не волнуйтесь... Присутствіе ребенка вредно для васъ.

— Ахъ, гдѣтъ... всего день-два, и конецъ... Я вѣдь не обманываю себя и вижу по вашему лицу свой смертный приговоръ.

Докторъ нетерпѣливо вскочилъ со своего стула и запагалъ по комнатѣ, задѣвая погами мебель. Къ чему разводить трагедію?... Да, мы всѣ умремъ, но если не умѣемъ жить, то, по крайней мѣрѣ, пужно умѣть спокойно умереть.

— У меня есть просьба къ вамъ... — продолжала больная, закрывая глаза.

— Все, что вамъ угодно...

Больная перевела духъ, обвела глазами комнату и заговорила своимъ задыхавшимся голосомъ:

— Докторъ, вы добрый человѣкъ... вы еще сами не знаете себя... У матери есть свой инстинктъ... и я... я чувствую эту скрытую въ васъ доброту... Малышка останется круглымъ сиротой... на рукахъ у пѣльницы-дѣда. Это сумасшедшій человѣкъ, и ребенокъ погибнетъ... Докторъ, возьмите Малышку себѣ...

— То-есть какъ это себѣ?..

Эта неожиданная просьба умирающей просто ошеломила доктора: взять на воспитаніе чужого ребенка такъ, здорово живешь, — вѣтъ, это сумасшествіе!..

— Что для васъ значитъ воспитать ребенка, а это принесетъ вамъ много такого, чего вы сейчасъ не подозреваете... вы посмѣетесь надъ моей сумасшедшей просьбой, но...

— Вы мнѣ позволите подумать до завтра, — нашелся докторъ, чтобы

какъ-нибудь отвязаться.—Это слишкомъ важный вопросъ, и притомъ все случилось такъ неожиданно.

Посмотрѣвъ на лгавшаго доктора, больная закрыла глаза, а когда онъ взялся за шапку, чтобы спастись постыднымъ бѣгствомъ, она съ неожиданной для него энергіей приподнялась на подушкѣ и заговорила:

— Нѣтъ, не то... докторъ: одну минуту... Если... если вы не можете сами... кто-нибудь другой... всегда найдутся добрые люди... ради Бога, докторъ, ради вашей матери прошу... Наконецъ вы можете передать ребенка въ какое-нибудь семейство... въ пріютъ... но только спасите его отъ моего отца...

— Это другое дѣло, Елена Михайловна, и я съ своей стороны употреблю все зависящія отъ меня средства...

— Нѣтъ: честное слово?.. Спасите Малийку отъ дѣда и, главное, отъ театра. Это мое послѣднее желаніе.

— Хорошо: даю вамъ честное слово!..

Въ головѣ доктора мелькнула счастливая мысль: Малийка ему можетъ служить отличнымъ объектомъ для наблюдений и опытовъ, какъ живой препаратъ вырождающагося человѣчества. Пусть пока звѣрушка поживетъ у него, а сбытъ его съ рукъ онъ всегда успѣетъ. Больная нѣсколько времени лежала съ закрытыми глазами, а потомъ позволила. Вошла Папа.

— Позови отца...—не открывая глазъ, проговорила больная.

Великій артистъ игралъ на бильярдѣ тутъ же въ „Калифорніи“ и явился съ недовольнымъ, но внимательнымъ лицомъ. Онъ посмотрѣлъ сначала на дочь и на доктора, поцѣловалъ руку у больной и никакъ не могъ подыскать въ своемъ репертуарѣ подходящей позы для такого случая.

— Папа, вотъ докторъ беретъ Малийку себѣ...—заговорила больная, хватаясь ослабѣвшей рукой за простыню.—И ты никогда... никогда не смѣй прикасаться къ моему ребенку...

— Елена Михайловна хочетъ сказать вамъ, что отдаетъ сына мнѣ на воспитаніе, — объяснилъ докторъ мысль больной, которая въ знакъ согласія наклонила голову.—Вы, какъ ближайшій родственникъ, должны теперь же отказаться отъ всякихъ правъ на вашего внука.

Великій артистъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, горько улыбнулся и принялъ обиженно-покорный видъ.

— Елена, я ничего не имѣю противъ твоего желанія...—отвѣтилъ онъ и церемонно поклонился доктору.

— Папа, ты не сердись на меня... Это... это моя послѣдняя воля...

— Артисты должны стоять выше узъ крови...—съ драматической дрожью въ голосъ проговорилъ г. Булатовъ и въ знакъ прощенія поцѣловалъ дочь въ лобъ.

Когда великій артистъ удалился, больная знакомъ попросила доктора подойти ближе и быстрымъ движеніемъ поднесла его руку къ своимъ запекшимся губамъ.

— Чтò вы... Елена Михайловна... зачѣмъ?..—смутился докторъ, вырывая руку.

— Вы мнѣ доставили величайшее счастье, докторъ... счастье умереть спокойно...

Эта выходка умирающей опять вызвала въ душѣ доктора какое-то тяжелое и непріятное чувство: ему совсѣмъ не было ея жаль... Мало ли умираетъ людей на свѣтѣ и оставляетъ послѣ себя кучу сиротъ—и то и другое только результатъ неизлѣчимаго легкомыслія. Украсть—нехорошо, а плодить нищихъ—это ничего.

III.

Примадонна умерла черезъ два дня. Антрепренеръ Хомутовъ рвалъ на себѣ волосы и ругался на четырехъ языкахъ—опъ терялъ въ ней свою главную доходную статью; доктора-консультанты были очень довольны, потому что они предсказывали именно такъ, какъ все случилось.

Номеръ въ „Калифорніи“, который занимала Вьюшина-Запольская, теперь былъ переполненъ посѣтителями, — кипѣла настоящая ярмарка. Первое мѣсто принадлежало, конечно, артистамъ мѣстной труппы, которые являлись сюда каждый день, съ огорченнымъ видомъ пожимали руку старика Булатова, припоминали къ случаю разные трогательные эпизоды изъ жизни покойной, тяжело вздыхали и шопотомъ рассказывали другъ другу свои закулисные исторіи.

— Бѣдняжка, она была еще такъ молода...—плаксиво повторяла *grande-dame*, по фамиліи m-me Понсонъ, извѣстная въ труппѣ подъ кличкой „бѣдной Лили“.—Помните, какъ Лѣля пѣла „Подъ душистой вѣткой сирени...“? Ахъ, какъ это была прелесть!.. Еще наканунѣ своей болѣзни она говорила мнѣ: „Лидія Васильевна, голубчикъ, мнѣ что-то не по себѣ“. Потомъ она рассказывала про какой-то сонъ, который видѣла въ эту ночь... Мы съ ней были всегда очень хороши!..

Всѣ усилія m-me Понсонъ сдѣлать изъ своей цвѣтушей, дебелой фигуры что-нибудь горюющее и жалкое оставались тщетными — красное лицо такъ и оставалось краснымъ, а узкіе черныя глазки плавали какъ въ маслѣ. Эта „бѣдная Лили“ пользовалась въ труппѣ популярностью, какъ особа, „сдѣлавшая хивинскую кампанію“. Она, дѣйствительно, была въ Ташкентѣ и вывезла оттуда, вмѣстѣ съ пріятными воспоминаніями о русской арміи, цѣлый гардеробъ дешевыхъ бухарскихъ шелковъ и два ковра. Съ труппой Хомутова она была неразлучна, потому что родной ея братъ, очень суровый и грубый чело-вѣкъ, давно уже занималъ мѣсто режиссера, — фамилія ихъ была чисто-рус-ская—Ягодкина, и какъ дѣвица Ягодкина превратилась въ m-me Понсонъ—оставалось неизвѣстнымъ. Говорили, что она была замужемъ за какимъ-то ого-лѣтымъ французскимъ маркизомъ Понсонъ, хотя это послѣднее требовало еще серьезнаго подтвержденія.

— Пожалуйста, не оставляйте старика одного...—трещала „бѣдная Лили“, обращаясь къ вѣчно-ныяному комику Недорѣзову.—Горе его убьетъ.

Вихлястый и сгорбленный комикъ улыбался своимъ беззубымъ ртомъ и тащилъ Булатова въ буфетъ, гдѣ имъ теперь было открытъ широкій кредитъ. Этотъ Недорѣзовъ составлялъ одну изъ крупныхъ силъ труппы, какъ самый талантливый и образованный чело-вѣкъ, но онъ пилъ горькую, какъ многіе русскіе комики, и доводилъ антрепренера до бѣлой горячки своими прогулами, которые накатывались на него въ самое горячее время. Въ виду торжествен-наго момента Недорѣзовъ пожертвовалъ Булатову сюртукъ со своего плеча, — артисты вельбодушны.

— Такихъ женщинъ больше нѣтъ! — повторялъ Булатовъ, когда они выпивали по рюмкѣ. — Не правда ли?.. Я горжусь, что у меня была такая дочь... Ты не можешь понимать отцовскихъ чувствъ, потому что это... это... однимъ словомъ, ты комикъ, и больше ничего!..

— Ковырнемъ еще спотыкаловки?..—говорилъ комикъ, стараясь принять видъ огорченнаго чело-вѣка.—Въ сущности, вѣдь всѣ мы умремъ... рано или поздно.

— Конечно, издохнемъ — общій удѣлъ всего прекраснаго на землѣ, —

соглашался Булатовъ.—Только разница въ томъ, кто издохнетъ: какая-нибудь скотина, или настоящая артистка... да.

— Если ты это на мой счетъ, то, пожалуйста, побереги пороховъ... А какъ ты думаешь, старина, кто теперь займетъ мѣсто Елены Михайловны,—пеужели эта старая кляча Мясоѣдова?

— Мясоѣдова? Мясоѣдова послѣ Лили?... О, это было бы ужъ слишкомъ, а Хомутовъ неглупый человѣкъ и знаетъ ей цѣну. Пока, вѣроятно, повертится и Мясоѣдова: она всегда шла у насъ на затычку—некого поставить, значить, давай Мясоѣдову. Мирскій ухаживаетъ за ней...

— Подлецъ!...

— Скотина!..

— Да и Хомутовъ, если разобрать, тоже свинья...

— Это давно, голубчикъ, извѣстно!..

Въ буфетъ завертывали и другіе артисты: резонеръ Астраханцевъ, первый любовникъ Чеховъ-Мирскій. Они торопливо выпивали свою рюмку и спѣшили вернуться въ номеръ, потому что явились сюда съ дамами. Астраханцевъ сопровождалъ „бѣдную Лили“, а первый любовникъ—вторую драматическую актрису Мясоѣдову. У Чехова-Мирскаго было красивое молодое лицо, но глаза смотрѣли тупымъ, безсодержательнымъ взглядомъ, и въ труппѣ про него ходила чисто-театральная поговорка: глупъ, какъ теноръ. Одѣвался онъ всегда безукоризненно и любилъ носить на выхолщенныхъ рукахъ подозрительные перстни. Сейчас Чеховъ-Мирскій ухаживалъ за Мясоѣдовой, которая послѣ смерти Вьюшиной-Запольской заняла въ труппѣ первое мѣсто. Астраханцевъ имѣлъ очень представительную парушоетъ и филономію стараго дипломата не у дѣлъ. Въ труппѣ Хомутова онъ былъ самымъ стариннымъ артистомъ и пользовался репутаціей очень справедливаго человѣка, чуждавшася тѣхъ нескончаемыхъ интригъ, которыми раздираются на части всѣ провинціальныя труппы. Говорили, что въ ранней молодости онъ былъ влюбленъ въ „бѣдную Лили“, но хивинская кампанія ихъ разлучила, а теперь Астраханцевъ по старой памяти иногда занималъ деньги у своей возлюбленной.

— Я не понимаю, что за пристрастіе у нашихъ дамъ къ этимъ похоронамъ,—говорилъ съ гримасой первый любовникъ, когда они возвращались по коридору.

— Нельзя... послѣдній долгъ,—отвѣчалъ резонеръ.

— Да, но вѣдь та же Мясоѣдова вѣчно грызлась съ Еленой Михайловной, интриговала противъ нея, а теперь плачетъ... не понимаю!..

— Я тоже не понимаю...

Покойница лежала на длинномъ столѣ, выдававшемся изъ передняго угла на средину комнаты. Все изголовье было покрыто живыми цвѣтами, въ ногахъ лежало нѣсколько вѣнковъ. Выскія свѣчи, горѣвшія въ покрытыхъ бѣлыми чехлами подсвѣчникахъ, сильно дымили; старушка-монахиня въ большихъ очкахъ монотонно читала старческимъ дребезжащимъ голосомъ псалтырь и время отъ времени оглядывалась на тихо шушукавшую у дверей толпу любопытныхъ. Мужчины жались по угламъ, женщины заглядывали со страхомъ на скрещенныя на груди руки покойной и начинали торопливо креститься. Въ уголкѣ тихо плакала „водевильная штучка“, молоденькая и некрасивая актриса, извѣстная подъ кличкой Зайца,—у ней были такіе большіе, испуганные глаза. „Бѣдная Лили“ приняла на себя роль распорядительницы и старалась занимать всѣхъ, какъ въ своемъ салонѣ. Она особенно ухаживала

вала за Мисоѣдовой, высокой и полной дамой неопредѣленныхъ лѣтъ съ красивымъ, но уже поблекшимъ лицомъ.

— Вы знаете, какъ я любила Лелю... — шептала ей „бѣдная Лили“, вытирая платкомъ сухіе глаза. — Бѣдняжка со всѣми простилась — это нашъ христіанскій долгъ.

— Я на нее не сержусь, хотя у насъ и происходили нѣкоторыя печальныя недоразумѣнія... — отвѣчала Мисоѣдова тоже шопотомъ, очень довольная своими заплаканными глазами, — это послѣднее ее умиляло. — При нашей жизни невозможно избѣгнуть столкновений. Я ее тоже любила, какъ самую талантливую изъ всѣхъ примадоннъ, какія у насъ только были... Нужно быть справедливымъ прежде всего. Сколько у ней было однихъ подарковъ. Неужели все это останется этому пьяницѣ Булатову?

— Ахъ, не говорите, голубчикъ...

Пришла старушка Орлова, когда-то знаменитая красавица, сводившая съ ума не одинъ городъ, а теперь что-то такое сгорбленное, обрюзгшее и покорное, прикрытое скромной, теменькой шерстяной кофточкой и бѣлымъ чепцомъ, изъ-подъ котораго выбивались пряди густыхъ сѣдыхъ волосъ. Она неслышною походкой прямо подошла къ покойницѣ, помолилась, открыла зеленую пелену съ большимъ крестомъ изъ желтаго позумента и смѣло заглянула въ лицо покойницы; одинъ глазъ смотрѣлъ на нее изъ-подъ полузакрывшагося вѣка. Старушка всклопотилась, торопливо сунула свою костлявую и сухую руку въ карманъ кофточки и, вытащивъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ, закрыла смотрѣвшій мертвый глазъ и положила монеты.

— Спасибо вамъ, Агаѣя Петровна... — благодарила ее „бѣдная Лили“, не досмотрѣвшая въ-время одной изъ своихъ прямыхъ обязанностей.

Старушка сердито посмотрѣла на нее. Въмѣсто отвѣта она взяла нѣсколько вѣнковъ и повѣсила ихъ на подвѣсчики. Весеннее солнце ворвалось пыльными дрожащими полосами въ окно и вспыхнуло яркими блесками на позументахъ покроя и мѣдныхъ застежкахъ псалтыри. Огни горѣвшихъ свѣчъ совсѣмъ потерялись въ этой нахлынувшей волнѣ ликующаго свѣта и казались колебавшимися красными точками. Въ номерѣ дѣлалось душно. Приотворили дверь въ коридоръ, чтобы выпустить дымъ ладана.

— Мнѣ кажется, что она сдѣлалась длиннѣе... — говорила Мисоѣдова, обращаясь къ Орловой. — Потомъ мнѣ хотѣлось бы взять на память прядь волосъ... у ней были такіе прекрасные волосы!..

— Да, были... — повторила старушка. — Только волосы ей остригли во время болѣзни.

— Ахъ! Какіе эти доктора безжалостные, — можно ли было губить такіе прекрасные волосы!.. Не все ли равно умирать...

Нѣсколько разъ приходила и уходила Паша съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ. Она тупо смотрѣла своими свѣтлыми, большими глазами на собравшуюся публику, искала кого-то въ толпѣ и незамѣтно исчезала. Плакавшій въ уголкѣ Заяцъ каждый разъ нагонялъ на Пашу ужасную тоску, и она бѣжала по коридору, закрывъ лицо передникомъ.

Мужчинамъ давно надобно толкаться въ номерѣ покойницы, и они потихоньку ворчали. Помилуйте, нельзя дышать отъ этого ладана, а чтобы покурить — бѣги въ буфетъ. Чеховъ-Мирскій поблѣднѣлъ и нѣсколько разъ принимался дѣлать глазами выразительные знаки своей дамѣ, но Мисоѣдова грустно улыбалась и отворачивалась.

— Чего еще онъ ждуть, эти проклятыя дамы?—спрашивалъ Астраханцевъ, испытывавшій потребность закусить вплотную.

— Не понимаю...—отвѣчалъ первый любовникъ.—Это та самая Орлова, которая разорила какого-то миллионера?

— Да... Были и рысаки, и свой домъ, и брильянты, а теперь вотъ одна темненькая кофточка осталась. Я еще помню ее, когда она доживала свою карьеру. Она всегда была немножко сумасшедшей и ужасно сорила деньгами. Однако уже два часа.

Дамы, дѣйствительно, кого-то ждали и вопросительно поглядывали на дверь. „Бѣдная Лили“ шопотомъ рассказывала что-то Мясоѣдовой, вѣроятно, очень интересное, потому что примадонна покачивала головой, поднимала крашенныя брови и красиво вздыхала.

— Вы говорите, что между ними ничего не было?—спрашивала она, стараясь не смотрѣть на Чехова-Мирскаго, выражавшаго знаки нетерпѣнія.

— Говорятъ... Но кто можетъ знать? Во всякомъ случаѣ, это дѣлаетъ честь... да. Мужчины... о, вы знаете, что такое мужчины!.. И тутъ вдругъ...

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ показались доктора Щучка и Куваевъ, захватившіе навѣдаться относительно похоронной процессіи. Была устроена на этотъ случай специальная подписка, причемъ поклонники Елены Михайловны не скупились на деньги.

— Ахъ, докторъ...—восторженно пропищала „бѣдная Лили“, устремляясь къ дверямъ.

— Позвольте, Лидія Васильевна, который изъ двухъ?—шутилъ Щучка, загораживая дорогу.—Я могу принять это на свой счетъ, а въ мои годы увлеченія обходятся очень дорого.

— Вы неисправимый старый шалунъ, — кокетничала „Бѣдная Лили“, ударивъ розово-сѣденькаго шалуна фамиллярно по плечу.—Я говорю съ Николаемъ Григорьевичемъ...

— Что такое случилось?—удивлялся Куваевъ, здороваясь съ Мясоѣдовой.

— Ничего, ничего...—бормотала Лили, закатывая глазки.—Вы еще такъ молоды, а въ вашей груди бьется женское сердце... да. Повѣрьте, что мы, женщины, оцѣнимъ вашъ благородный поступокъ, какъ никто другой.

— Какой поступокъ?.. Извините, я, кажется, не понимаю васъ...

— Ахъ, послѣ, послѣ... — шептала Лили, прикладывая платокъ къ глазамъ.—Скромность дѣлаетъ еще больше чести вашей душѣ.

Эти слова заставили Куваева побавровѣть, и въ его глазахъ запрыгали огни погребальныхъ свѣчъ. Чеховъ-Мирскій подталкивалъ локтемъ Астраханцева, который смотрѣлъ на доктора равнодушными глазами челоѣка, выдавшаго виды. Положеніе Куваева выходило очень некрасивое, и онъ не зналъ, что ему сказать: исторія съ Малойкой, значить, уже выплыла на свѣтъ Божій и съ быстротой молніи облетитъ весь городъ. Ему не будутъ давать прохода—мужчины двусмысленностями, дамы телячьими нѣжностями. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на актерскія бритыя фizioноміи, на старуху Орлову, которая, указывая на него пальцемъ, спрашивала Зайцева: „Этотъ?“—и еще болѣе смутился. Изъ затрудненія его вывелъ Щучка, заговоривши о похоронахъ: вѣнки понесутъ особыя депутаціи, или просто сложить ихъ на крышкѣ гроба?

— Депутаціи слишкомъ ужъ торжественно...—вмѣшалась Мясоѣдова.

— Какія депутаціи?..—хрипло спрашивалъ появившійся въ номеръ Булатовъ, едва держась на ногахъ.—Дочь актера... я требую, чтобы ее похоро-

нили въ простенькомъ ситцевомъ платѣ... въ некрашеномъ деревянномъ гробу... это послѣднее желаніе отца, который въ ней потерялъ все...

Булатова кой-какъ увели, а за нимъ вырвался и Куваевъ. Но въ коридорѣ его поймала Паша—она караулила его здѣсь съ самаго утра.

— Что тебѣ?—сердито спрашивала ее докторъ.

— Я... я... Малайка...—шептала Паша, глотая слезы.

— Ахъ, отстань, пожалуйста: дѣлайся съ нимъ, какъ знаешь! Потомъ все устроимъ...

Послѣднія слова онъ договаривалъ на ходу, почти убѣгая изъ „Калифорніи“. Паша стояла на томъ же мѣстѣ съ остановившимися глазами и раскрытымъ ртомъ, и потомъ, пошатываясь, какъ пьяная, около стѣнки побрѣла къ себѣ въпизъ, гдѣ скрывался Малайка. Докторъ Куваевъ въ это время проеблиналъ ни въ чемъ неповиннаго ребенка, который свалился, какъ снѣгъ на голову.

— Чортъ знаетъ, что такое получается, — ворчалъ онъ, припоминая комплименты „бѣдной Лили“.—Этакъ сдѣлаешься посмѣшищемъ всего города!..

IV.

Похороны примадонны устроились самымъ торжественнымъ образомъ. Собралась вся хомутовская труппа, и явились недавніе почитатели и поклонники безвременно угасшаго таланта. Вся улица около „Калифорніи“ была запружена толпой любопытныхъ и просто случайныхъ уличныхъ зѣвакъ. День выдался свѣтлый и теплый, какіе бываютъ только въ концѣ марта, когда появятся первыя проталинки и дорога почернѣетъ. Карнизы домовъ обрастали за ночь ледяными сталактитами, а теперь съ нихъ бѣжала вода. Въ ближайшемъ саду перекликались галки, вѣчно ссорившіяся съ обижавшими ихъ воронами. Цѣлая толпа нищихъ и необыкновенно убогихъ старушекъ ожидала подъѣздъ „Калифорніи“ съ ранняго утра, перебрашиваясь съ двумя полицейскими, торчавшими здѣсь же „дли порядка“.

Всей церемоніей распоряжался самъ антрепренеръ Хомутовъ, великій художникъ по части всевозможныхъ церемоній. Его бритая, одутловатая физиономія появлялась за-разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а надсаженный голосъ раздавался во всѣхъ комнатахъ. Это былъ настоящій провинціальный антрепренеръ—подвижный, немножко грубый и никогда не унывавшій. Про него говорили, что онъ и родился несостоятельнымъ должникомъ, и теперь занималъ деньги даже у капельдинеровъ. Каждый годъ Хомутову пророчили крахъ, но приходила осень, и онъ являлся въ Бужоѣмъ съ новой труппой и всѣ столбы оклеивалъ своими афишами. Въ своемъ театрѣ онъ былъ всѣмъ: актеромъ, декораторомъ, режиссеромъ, а въ случаѣ затрудненій садился на капельмейстерское мѣсто и дирижировалъ оркестромъ. Всегда прилично одѣтый, всегда озабоченный и всегда съ готовой остротой, висѣвшей у него на кончикѣ языка, онъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ—на юбилеяхъ, на торжественныхъ обѣдахъ, на встрѣчахъ и провозинахъ. Онъ убиралъ зеленую комнату, заколачивалъ гвозди, подносилъ дамамъ букеты, ругался со всѣми рабочими, училъ поваровъ и лакеевъ, говорилъ остроумные застольные спичи и, потный, усталый, разсерженный, повторялъ:

— Нѣтъ, слуга покорный! Отъ такой собачьей жизни можно умереть!..

Въ „Калифорнію“ онъ явился передъ выносомъ, вмѣстѣ съ о. протоѿдиномъ, котораго раздобылъ, несмотря на всевозможныя препятствія. Прежде